

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ*

М. ХАЛЬБВАКС

Одним из наиболее существенных недостатков классической психологии, как физиологической, так и ассоциативной¹, является то, что она ограничивается изучением человека в изолированном состоянии и не уделяет внимания таким многообразным внешним факторам, оказывающим влияние на индивида, как социальные институты, обычаи, взаимодействие идей и в особенности язык, который с детства и на протяжении всей жизни человека обуславливает его мышление, чувства, поведение и его жизненную позицию, делая их такими, какими они не могли бы быть в состоянии изоляции. Тем не менее, даже если в классической психологии игнорировалось такое влияние и индивидуальное сознание рассматривалось лишь в пределах его собственных границ, все же невозможно было не отметить воздействие этих факторов на сознание.

Даже если искусственно отделить индивида от общества и рассматривать его без учета связей с группой, он все равно сохранил отпечаток, наложенный обществом. Объектом исследования всех психологов были интеллектуальные процессы, в особенности такие, которые можно объяснить исключительно посредством изучения воздействия общества на индивида. Можно даже утверждать, что, по крайней мере, представители классической психологии отдавали предпочтение рассмотрению и анализу такого рода процессов. Иногда даже им удавалось адекватно описать и глубоко проанализировать функционирование подобных ментальных процессов, однако они столкнулись с непреодолимыми трудностями при попытке их объяснения. Это относится как к эмпирической, так и к интроспективной психологии². Если придерживаться гипотезы изолированного сознания, то как тогда объяснить существование идей, принципов, мыслей, суждений, которые мы принимаем лишь потому, что их принимают другие. Более того, значительная часть психологов — метафизиков, отстаивавших теорию врожденных идей, полагала, что «низшие ментальные функции», такие как память, воображение, восприятие, а также аффективные состояния и импульсы, непосредственно обусловлены «высшей» интеллектуальной жизнью.

Они не преминули отметить, что воля связана с интеллектом и разумом. Однако поскольку они стремились заключить интеллект в глубины души или, точнее, искали его корни в некоем внешнем источнике за пределами окружающей нас среды, им не удавалось понять

* Journal de psychologie. XXII. Avril 1925. P. 333.

его природу и выявить характерные черты. Они не сумели понять, в частности, что интеллект является сугубо относительным фактором, поскольку он взаимодействует с социальной средой, трансформирующейся и изменяющейся в зависимости от места и эпохи. Вероятно, они приблизились к правильному решению проблемы, но не смогли довести его до конца. Их исследования неизбежно страдали из-за статичности и закрытости интерпретации интеллекта, и это означало в действительности, что они не учли влияния социальной среды.

Другие психологи, не только метафизики, но также и представители ассоциативной, физиологической и интроспективной психологии, стремившиеся дать объяснение ментальным функциям и сознанию, главным образом интересовались тем, что они считали наиболее простыми, непосредственно воспринимаемыми и доступными для наблюдения элементами психической деятельности, а именно — ощущениями, представлениями, склонностями. Именно по этой причине так называемые процессы и «высшие» ментальные состояния представлялись им лишь в качестве своего рода расширения и сочетания чувственных актов и состояний, структуры и надстройки, одновременно сложных и искусственных. И все же, изучая ментальные процессы, они не видели ни малейших оснований выносить их за пределы индивидуального сознания, поскольку, как им представлялось, эти ментальные состояния коренятся и проистекают из таких низших форм жизни сознания, которые обусловлены нашим организмом, связаны с ним, и находятся примерно в тех же границах.

Тем не менее, когда психологи задавались целью изучить точнее и подробнее явления психологического характера, они вынуждены были признать очевидность отношений между организмом, мозгом и нервной системой различных людей, таких отношений, которые невозможно объяснить, обращаясь в каждом конкретном случае к изолированному организму. Таких, например, как речь и выражение эмоций. Откровенно говоря, когда объясняют ментальное посредством телесного, поскольку в реакциях и действиях души и тело связаны друг с другом, обращаются к таким психическим характеристикам человека, которые объединяют его с животными. И наоборот, когда ограничиваются изучением элементарных форм жизни сознания, невозможно объяснить, каким образом человек сумел развиваться от столь примитивного уровня до своей современной формы ментальной жизни. Именно потому, что теоретики этой психологической школы трактовали деятельность нашего сознания на этом, почти органическом, уровне, им пришлось согласиться с тем, что значительная часть нашей ментальной жизни проистекает не из индивидуальной психологии, потому что в данной перспективе невозможно объяснить умственную деятельность и, следовательно, ментальность должна

стать объектом исследования иной научной дисциплины, изучающей феномены коллективной жизни.

И тогда нет ничего удивительного в том, что Блондель³ как сторонник психолого-физиологического направления в одной из своих статей заостряет внимание на тех положениях, которые психопатология может заимствовать у социологии. Ссылаясь на Дюркгейма, он говорит: «Это не индивид создает для себя религию, мораль, право, эстетику, науку, язык, правила поведения в повседневных условиях, по отношению к равным, вышестоящим или нижестоящим, сильным или слабым, пожилым людям, женщинам или детям, манеру питаться и держаться за столом, наконец, бесконечно разнообразные способы мыслить и вести себя. Все это он получает в готовом виде благодаря воспитанию, обучению и речи от общества, членом которого он является. Следовательно, таким путем и формируются ментальные состояния и в своих наиболее существенных характеристиках они противоположны собственно индивидуальным состояниям. Если они присущи всем, то это означает не то, что они не свойственны отдельной личности, а то, что они еще не реализовались полностью в каком-либо из своих индивидуальных воплощений. Идеи морального человека не являются моралью; идеи ученого не являются наукой; наши вкусы не являются эстетикой; слова, которыми мы обмениваемся, не являются языком. Ментальная реальность, превосходящая индивидуальные ментальности, способствует их формированию, такова сущность коллективных представлений»*.

Таким образом, определив предмет психологии коллектива, следует выделить круг явлений, находящихся за пределами данной области, и отнести их к сфере компетенции психологии индивида. Согласно Блонделю, психологи должны уверенно опираться на данные психофизиологии и психопатологии. Что касается представлений и тенденций коллективного характера, то речь идет прежде всего о том, чтобы признать их влияние на сознание каждого индивида, описать данный процесс, выявить его причины и дистанцироваться от него, т.е. предоставить свободу действий физиологической психологии. А поскольку физиологическая психология стремится объяснить такие состояния сознания, которые можно понять лишь посредством анализа организма, прежде всего путем рассмотрения целостной природы организма, то получается, что на самом деле она занимается изучением человеческого рода и ее следовало бы называть психологией спецификации или сравнительной психологией. В глубине индивидуального организма она исследует именно его родовую сущность.

Фундаментальные данные психологии коллектива составляют группа, представления и умонастроения, общие для различных социальных слоев общества, однако она не обращается к индивидам для того чтобы осмыслить эти коллективные психические состояния.

Сначала эти данные обнаруживаются за пределами индивидуального сознания, в формах и структурах институтов и обычаев, в умонастроениях и таких достижениях коллективной деятельности как искусство, наука, язык или техника. Психология коллектива точнее улавливает присущий всем этим образованиям социальный характер, распознаваемый извне, поскольку все то, что является порождением этого социального характера, выражено в формах речи и общего мировоззрения и проистекает не из индивидуального самоанализа, а из коллективного мышления.

Таким образом, существуют две комплементарные, но строго обособленные или по крайней мере подлежащие разграничению области, и их можно квалифицировать как форму и содержание. В связи с этим можно вспомнить предложенное Кантом (в «Трансцендентальной эстетике») установление различия между *формами* чувственного созерцания — пространством и временем, присущими нам *a priori* и их материальным *содержанием*, которое мы обретаем однажды посредством этих форм, и лишь благодаря этому и осуществляется познание. Точно так же в нашем сознании содержатся, с одной стороны, формы или социальные модели, и, с другой стороны, данные воображения или восприятия, фрагментарные мысли и знания, подобные восприятиям и представлениям, свойственным животным, от которых восприятия человека отличаются только по причине значительно большей сложности его организма и нервной системы. Такие ментальные феномены, сначала неопределенные и напоминающие запутанные мысли грезящего человека, становятся осознанными исключительно в системе общественного мировоззрения. И при этом их природа меняется и трансформируется в образования коллективного характера, за которыми тянется шлейф органического сознания, таящегося в неопределенности жизни животного мира. Поскольку эти феномены являются исходным материалом сознания и ментальной деятельности вида, их необходимо изучать именно извне, однако при этом постоянно ссылаться на их органические проявления у индивида.

Следовательно, психология должна заниматься либо исследованием коллективов, либо изучением индивидуальности, и все то, что относится к сознанию, нужно объяснять с позиций группы или вида. Если объединить обе эти дисциплины и путем сопоставления взаимно прояснять их, то можно было бы в определенной мере дать целостное объяснение ментальной жизни. Своим содержанием сознание полностью обязано либо организму, либо социальной группе. И тогда, воздавая этому должное, можно утверждать, что сознание никому ничем не обязано.

Тем не менее Блондель настаивает на том, что помимо этих двух психологических дисциплин существует еще и третья, и к тому же, по его мнению, только данная дисциплина заслуживает того, чтобы

ее квалифицировали в качестве психологии индивида. Блондель обосновывает свою позицию следующим образом. Он принимает тезис Тарда⁴ о том, что человек есть существо социальное, привитое к существу биологическому. Однако ни психолог, ни социолог не способны исследовать исчерпывающим образом самого по себе индивида, являющегося производной от этого скрещивания или соотношения ряда элементов физиологического и социального характера. Между тем хорошо известно, что внутри социальных групп существуют индивидуальные различия. Это связано с тем, что сочетание и взаимодействие органических условий и социальных обстоятельств не тождественно у различных индивидов. Из этого следует, что когда-нибудь психология придет к пониманию не только жизни духа в целом, но и явлений частного значения, формирующих индивидуальное сознание.

Таким образом, мы приходим к пониманию необходимости распределить исследование памяти, восприятия, эмоций и чувств между тремя психологическими дисциплинами, среди которых первая — это психология коллектива, вторая — физиологическая психология, или психология спецификации и третья — дифференциальная психология. Последнюю Конт намеревался поместить в своей системе позитивной философии в качестве той седьмой науки, которую он уже предусмотрел в разработанной им классификации. Он предлагает назвать ее антропологией или моральной философией и задумывает ее как науку, призванную изучать ментальные явления индивидуального характера.

Итак, рассмотрим данную точку зрения. Что именно представлял бы собой предмет определяемой подобным образом психологии индивида, или дифференциальной психологии? Должно ли стать задачей этой науки объяснение любых поступков всякого индивида везде и всегда или только поведение отдельных индивидов? Однако если речь идет о человеческом сознании или даже о более простых вопросах, касающихся органических существ и событий материального мира, невозможно дать точное научное объяснение каждому единичному случаю. Пожар, лавина, развитие растения, смерть животного — уникальные события, не в качестве различных типов, а как разнообразные явления, присущие общему типу. Это относится как к сложным состояниям индивидуального сознания, так и к поступкам, в которых человек выражает свой личный характер. Это — один из аспектов истории или сама история, под которой подразумевается описание жизни конкретных субъектов и единичных событий и которое начинается там, где завершается наука о социально значимых фактах.

Блондель поясняет свою концепцию, перечисляя задуманные им направления исследования, проистекающие из дифференциальной

психологии: это — педагогика, профессиональное ориентирование, «этнология» и патология ментальности. Очевидно то, что в каждом из этих направлений приоритетным является изучение обстоятельств индивидуального характера. Когда рассматривают индивидуальные случаи, необходимо выявить интеллектуальные и профессиональные способности, моральные позиции, особенности мировоззрения. Подобные проблемы возникают и в связи с разработкой метода, поскольку при этом также требуется провести предварительную дифференциацию и классификацию. В процессе практического применения мы имеем дело исключительно с частными случаями, и ни одну из этих дисциплин нельзя считать чистой наукой, потому что они ограничиваются накоплением наблюдений индивидуального характера.

Можно пойти еще дальше и поставить вопрос о том, можно ли по-прежнему считать наукой данные дисциплины, ограничивающиеся сбором разнородных данных, заимствованных у различных наук. В действительности почти все известные научные законы устанавливают связь между однородными фактами, поэтому трудно поверить в то, что проведенные изыскания выходят за рамки простого описания.

Следовательно, существуют психология коллектива и социальная психология. И возможно обе эти науки пока еще разработаны крайне недостаточно для того чтобы мы могли ставить проблемы, содействующие их продвижению, такие проблемы были бы слишком сложны и, вероятно, вообще не разрешимы. И теперь нужно задуматься над тем, какое место занимает психология коллектива в составе социологии. Может показаться, что социологи, изучая психологию коллектива тем же способом, что и классическую психологию индивида, довольствуются усовершенствованием психологии индивида и изложением всего того, что индивид приобретает благодаря социальной жизни, вместо того чтобы ввязаться за исследование общественного сознания как такового. Однако это не совсем верно. Коллективное мышление не является некой метафизической сущностью, которую следует искать в особом метафизическом мире. Коллективное сознание существует и реализуется только в индивидуальных сознаниях. Одним словом, это — лишь определенная система взаимоотношений индивидуальных сознаний, состояние сознания группы определяется совокупностью большего или меньшего количества индивидуальных сознаний. Вот почему нельзя исследовать сознание коллектива, замкнувшись на индивидуальном сознании. Для того чтобы изучать и осмысливать коллективное сознание, нужно искать его проявления у всех представителей группы, рассматривая их как целостность. Иначе говоря, нужно рассматривать ментальные функции, всегда ориентируясь при этом на то, каким образом они реализуются в том

или *ином* человеку в качестве фрагментарных аспектов той функции, которую они составляют совместно с другими членами группы. Тогда можно утверждать, что индивиды мыслят, чувствуют и действуют совместно, принимая мировоззрение группы.

Так мы приходим к различению двух сфер психологии коллектива. Первая, основная, связана с изучением характеристик и способов функционирования *коллективного мышления*, в *том* виде, в каком *они* присутствуют во всех обществах, где проявляются подобные формы коллективного сознания и где развиваются такие представления и умонастроения, которые присущи группе, но при этом по своему содержанию отличаются от позиции группы. Специалисты в области психологии коллектива будут придерживаться этого основного учения, например, те из них, которые исследуют религиозные группы, семью, нации, социальные классы, экономические сообщества и т.п., они будут стремиться изучить специфическую природу коллектива и особый смысл традиций, воспоминаний, способов мышления, чувств и восприятий, характеризующих эти группы.

В таком случае не совпадает ли предмет данного исследования с предметом исследования социологии коллективов? Можно ли в процессе рассмотрения существования групп и их социальной деятельности обнаружить нечто иное, помимо взаимодействия тенденций и представлений? Имеем ли мы достаточно оснований для установления границы между социологией как таковой и психологией коллектива?

Поскольку общество представляет собой ансамбль совместно мыслящих, действующих и чувствующих личностей, постольку социология занимается прежде всего тем, что не имеет отношения к идеям, убеждениям, чувствам и умонастроениям, т.е. к психической жизни. Однако само по себе общество вероятно является чем-то более значительным. Для того чтобы реализовать социальное взаимодействие как гармонию мыслей, чувств и поступков, оно должно в первую очередь следовать определенным условиям, которые имеют форму механизмов и называются «методами», они функционируют, в частности, в экономике: методы производства, технического оснащения, обмена, денежного обращения. Но существуют также и методы, работающие в области религии, права, науки, творчества и т.д. Существует, в частности, и общая методика в сфере языкового общения. Эти методы несомненно предполагают общие для всех представителей группы память, образ мышления и понятия. Их нужно созидать, хранить, обновлять и развивать. При этом, будучи однажды созданными, они функционируют почти автоматически. Когда организм и материал составляют единое целое, манипуляции и движения организма, использующего эти методы, становятся скорее физическими, чем осознанными. Их результатом является

лишь применение законов естественного порядка, не тождественных законам социальной жизни.

В связи с этим возникает вопрос: являются ли эти методы существенным элементом жизни социальной группы или они представляют собой лишь нечто инородное? Считалось, что всякую эволюцию, будь то эволюция социальная, экономическая, правовая или религиозная, можно объяснить исходя из эволюции промышленной технологии. Для психологии коллектива важны не столько орудия, материалы, машины и производство, сколько идеи, а точнее — коллективные представления, являющиеся предметом ее исследования. Психология коллектива, социология и даже экономическая социология не занимаются изучением технологии.

Нам не хотелось бы поддерживать положение о том, что наука не является результатом коллективного мышления, однако следует делать различие между наукой и ее содержанием или ее практическим применением. Тогда можно считать методологию объектом социальной рефлексии, в то время как технические изобретения наряду с наукой и ее практическим применением следует рассматривать в качестве достижений коллективного мышления. Сама по себе наука в ее материальном измерении не является составной частью общества.

Кроме того, во всех социальных институтах, коллективных действиях и коллективных представлениях нужно различать два аспекта. Монархия как социальный институт основывается прежде всего на подчинении монарху, на признании его власти и авторитета, на чувствах привязанности и уважения к нему. Это — элементы психологического характера. К тому же корона, скипетр, дворец монарха, одежда, мундиры — представляют собой знаки отличия знатных вельмож и высокопоставленных чиновников соответственно их статусу. Существуют письменные документы, утверждающие легитимность власти монарха, старинные рукописи, уставы, постановления, церемонии, заседания парламента, придворные зрелища, все детали которых строго регламентируются согласно этикету и традиции.

Одним словом, существует внешняя форма социального института, состоящая из элементов материального характера, которые можно назвать морфологическими.

Следует ли из всего сказанного, что изучение социальных институтов посредством социологии выходит за пределы психологии коллектива, поскольку характеристики и формы законов, обычаи, процессы организации и управления обществом отнюдь не относятся к области психологии, не являются производными сознания, а существуют в пространстве как осязимо и осязаемо воспринимаемые образования? Именно на эти аспекты социальной действительности

ссылаясь Дюркгейм, когда рекомендовал считать социальные факты реальными вещами. Таким образом, формы социального бытия по сути располагаются в одной сфере с материальными объектами и частично отождествляются с ними.

Допустим, что социальные институты являются прежде всего стабильными и устойчивыми формами жизни. Тем не менее, если мы вновь обратимся к истокам этих структур, то обнаружим, что представления, идеи, умонастроения и другие ментальные состояния, стабилизируясь, в каком-то смысле структурируются. Разумеется, с этой точки зрения, существует множество уровней и отличий между вновь сформировавшимися и старыми, неповоротливыми и косными социальными институтами. В последнем случае эти структуры частично утрачивают свое ментальное содержание. Как бы то ни было, невозможно понять способ существования и характер институтов лишь посредством припоминания и улавливания очертаний того коллективного мышления, которое их породило, а ныне оказалось ограниченным, исчезающим и возможно почти утраченным, однако поддающимся восстановлению в том случае, если при благоприятных условиях оно получит новый импульс и обретет новую форму. К тому же основным фактором вновь становится идея о том, что общество образуют социальные институты, их внешнее окружение, действия и те последствия, которые эти институты способны вызвать.

В итоге мы имеем некую морфологию населения, которая, как представляется на первый взгляд, не относится к сфере психологии коллектива, и с еще меньшей вероятностью относится к социологии. Физическое распределение больших социальных групп, численность жителей в городах, концентрация и миграция населения, соотношение рождаемости и смертности — все это факторы физического, а не органического характера. А может быть следует рассматривать социальные группы и отдельных индивидов исключительно с материальной точки зрения, с позиции их связи с землей, их географического распространения, их привычек, всего того, что зависит от законов рождаемости и смертности? Однако необходимо понимать, что все это — лишь внешняя сторона вещей. Население — не инертная масса, пассивно подчиняющаяся физическим законам словно песчинки или стадо животных. Создается впечатление, что все эти феномены ведут себя так, словно они заранее осознают смысл процессов собственного расселения, изменения численности и структуры, перемещения, динамику развития и стагнации. Именно состояние коллективного морфологического и демографического сознания пытаются реконструировать исследователи, опираясь, главным образом, на статистические данные.

Получается, что невозможно изучить и объяснить факторы как технического, так и морфологического характера жизни населения

без исследования в самих этих факторах психологических аспектов, определяющих их и относящихся к психологии коллектива. И, соответственно, психологические факторы полностью занимают пространство социологии.

Итак, следует иметь в виду, что коллективные представления и умонастроения проявляются и выражаются в материальных формах, которые часто представляют собой символы и знаки. Все происходит так, словно мировоззрение коллектива не могло бы возникнуть, сохраняться и осознавать себя без опоры на некие находящиеся в пространстве и визуально воспринимаемые формы. Вот почему необходимо изучать эти материальные проявления и выражения, анализировать их частные свойства, рассматривать взаимосвязи и комбинации. Эту навязанную социологии обязанность можно было бы сравнить с задачей физиологической психологии изучать двигательные реакции и функции нервной системы и мозга. Психология занимается организмами конкретных индивидов. А интерес социологии распространяется на исследование физических качеств целой группы.

Именно в этом и заключается различие между психологией индивида и социологией. Таким образом мы приходим к пониманию возможности и необходимости устанавливать связи и объединять усилия данных наук. Жизнь сознания предполагает наличие двух условий: она должна быть связана с организмом и при этом она должна быть также связана с социальной средой, общественными институтами, техническими средствами и народонаселением. Если можно так выразиться, у жизни сознания есть две взаимно дополняющих друг друга стороны: одна из них обращена к органическим, другая — к социальным условиям. Та сторона, которая сопряжена с органической жизнью, зависит от психологии индивида; это происходит потому, что состояние изолированности и разобщенности организмов является их существенной характеристикой. Иначе говоря, именно это и делает их индивидами. Что же касается другой стороны ментальной жизни, связанной с обществом, социальными институтами и традициями, она может быть только коллективной, поскольку коллективная реальность вторгается в ее сферу и определяет ее сущность.

В конечном счете нам хотелось продемонстрировать и ясно объяснить то, каким образом коллективное сознание охватывает взаимодействующих людей, группы и сложные общественные организации, в которых они участвуют, и открывает доступ сознанию отдельного человека ко всему тому, что уже было создано и воплотилось в мыслях, чувствах, убеждениях и намерениях многообразных социальных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ассоциативная психология (la psychologie associationniste) – одно из ведущих направлений в психологии XVII – XIX вв., рассматривавшее систему связей-ассоциаций наблюдение субъекта за содержанием и деятельностью собственного сознания. Истоки интроспективной психологии восходят к учению Р. Декарта и Д. Локка об исследовании сознания путем анализа внутреннего опыта.

² Интроспективная психология (la psychologie introspectionniste) – ряд направлений в психологии, предлагавших в качестве метода изучения психической реальности наблюдение субъекта за содержанием и деятельностью собственного сознания. Истоки интроспективной психологии восходят к учению Р. Декарта и Д. Локка об исследовании сознания путем анализа внутреннего опыта.

³ Блондель Шарль (Blondel, 1876 – 1939) – французский психолог. Стремился творчески соединить учение Э. Дюркгейма о социальной обусловленности сознания и поведения человека и концепцию А. Бергсона о непосредственных данных сознания.

⁴ Тард Габриель (Tarde, 1843 – 1904) – французский психолог, социолог, криминолог, один из теоретиков психологического направления в социологии. Сформулировал концепцию, согласно которой исходным элементом общества является психология индивида, а ведущими процессами социальной жизни – подражание, изобретение и противодействие инновациям.

Аннотация

В работе «Индивидуальное сознание и коллективный разум» французский философ и социолог Морис Хальбвакс излагает свою концепцию общественного характера сознания. Автор обосновывает объективность социальной реальности, проявляющей себя в материальных формах, укорененных в пространстве и времени и поддающихся визуальному восприятию исследователя. Хальбвакс различает морфологические (формообразующие) и духовные факторы жизни общества. Философ делает вывод о социальной обусловленности мировоззрения, психологии и поведения личности и о взаимной дополнительности общественно-го и индивидуальных сознаний.

Ключевые слова: сознание индивидуальное, сознание коллективное, память историческая, память социальная, социальные факты.

Summary

In work “Individual consciousness and collective intelligence” Halbwachs states a concept of social character of consciousness. The author proves objective sense of the social reality proving in material forms, implanted in space and time and giving in to visual perception of a researcher. Halbwachs distinguishes morphological (form-building) and spiritual factors of the life of the society. The philosopher does a conclusion about social conditionality consciousness of the person and about mutual complement of social and individual consciousnesses.

Keywords: individual consciousness, collective consciousness, historical memory, social memory, social facts.

*Перевод с французского О.И. Мачульской и Я.О. Фетисова
Примечания О.И. Мачульской*